

ПОМПИАЕ: ОБ ОДНОМ ТОПОСЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ*

В наше время рыба-лоцман известна неспециалистам в первую очередь как спутница акулы; именно в таком качестве этот представитель семейства ставридовых попал во фразеологию новых языков, в том числе и русского. Между тем в древности *помпил* (πομπίλος) был знаменит благодаря другому своему свойству – плыть в кильватере кораблей, словно бы провожая их до тех пор, пока впереди не покажется берег. Согласно примете греческих моряков, появление за кормой этой рыбы сулило благополучное плавание.¹

Начиная с IV в. до н. э. помпил занимает прочное место в античном поэтическом бестиарии. Экскурс, посвященный этой рыбе у Афиней (VII, 282 e – 284 d), расцвечен цитатами из поэм Никандра “Этиака” (fr. 16 Gow – Scholfield), Александра Этолийского “Кирка (?)”² (fr. 2, p. 122 Powell), Панкрата “Морские дела” (fr. 598 SH), Тимахида Родосского “Пыры” (fr. 772 SH), Эринны “Прялка” (fr. [404] SH)³ и Аполлония “Основание Навкратиса” (fr. 8; 9 Michaelis).⁴ Коллекцию Афиней до-

* В основе статьи лежит доклад на ежегодных чтениях в ИЛИ РАН (июнь 2001 г.); его краткое резюме появилось в сборнике тезисов (*Индоевропейское языкознание и классическая филология – V* [СПб. 2001] 39–40). Мы сочли уместным посвятить этот материал, прослеживающий историю одного поэтического состязания, памяти А. И. Зайцева – пристального исследователя *агональности*, в том числе и в греческой литературе.

¹ Свидетельства древних о рыба-лоцмане собраны в классическом труде: D’A. W. Thompson. *A Glossary of Greek Fishes* (London 1947) 208–209; см. также: Г. Шмид. *Exegetica VII* (IX): Рыбы в стихотворении *Haliutica* Овидия // *ЖМНП* 1906 (сентябрь), отд. класс. фил., 420–421; E. De Saint-Denis. *Le vocabulaire des animaux marins en latin classique* (Paris 1947) 89–90. На прославленные в древности свойства помпила указывают как греческое название этой рыбы, восходящее к λέπλω, так и ее именование в современной ихтиологической классификации (*Naucrates ductor* L.). Интересно, что упоминание о маленькой рыбке – спутнице крупных рыб (κίτη или дельфинов, но не акул) также встречается в античных зоологических сочинениях (*Ael. Hist. anim.* II, 13: IX, 7: *Opp. Hal.* V, 67 sqq.): хотя по всем признакам речь идет о лоцмане. Элиан и Оппиан описывают эту рыбу отдельно от помпила и не отождествляют с ним, называя ее ήχητήρ или ήχητόν (Thompson. *Op. cit.*, 75).

² Athen. VII, 283 a: ἐν Κίρκᾳ Α. ἐν Κίρκᾳ Schweighäuser. О фрагменте см. ниже.

³ Афиней не приводит названия, однако Эринна была известна в античности как автор одной гексаметрической поэмы – *Ψακῆτις*; подробнее см. ниже.

⁴ Согласно Макс Вельману (M. Wellmann. Alexander von Myndos // *Hermes* 26 [1891] 522–524), исходившему из параллельных мест у Элиана (*Hist. anim.* II, 15; XV,

полняют пассажи из греческой и латинской “Галиевтик” (Opp. *Hal.* I, 186 sqq.; IV, 437 sqq.; [Ov.] *Hal.* 100–101), а также несколько беглых упоминаний помпила у Нонна (*Dion.* VI, 294–295; XXXIX, 327; XLIII, 268–269).

При сопоставлении этих свидетельств обнаруживается любопытная особенность, сколько нам известно, не отмечавшаяся ранее.⁵ Сразу в нескольких из них упоминание помпила сопровождается подчеркнутым нагнетанием аллитераций, гомеотелевтов и других видов звуковых повторов:

(1) Erinn. fr. [404] *SH* (= Athen. VII, 283 d):

μνημονεύει τῶν πομπίλων [...] Ἦριννά τε ἢ ὁ πεποικῶς τὸ εἰς αὐτὴν ἀναφερόμενον ποιημάτων

πομπίλε, ναύτησι πέμπων πλόον εὐπλοον, ἰχθύ,
πομπεύσαις πρύμναθεν ἐμὰν ἀδείαν ἑταίραν.

(2) Apoll. Rhod. fr. 8 Michaelis (= Athen. VII, 283 f):

Πατρός ἐμοῖο φίλου συμφράδιμονα θυμὸν ἀέξων,
Πομπίλε. δυσκελάδου δεδαῶς θοὰ βένθεα πόντου,
σῶζε με.

(3) Alex. Aetol. fr. 2 Powell (= Athen. VII, 283 a):

... Ἀλέξανδρος δ' ὁ Αἰτωλός ἐν Κρίκα. εἰ γνήσιον τὸ ποιημάτων

Πηδάλιφ ἄκρω ἐπι πομπίλος ἀνιοχεύων
ἦστ' ἀκάτω κατόπισθε, θεᾶς ὑπο πόμπιμος ἰχθύς.

(4) [Ov.] *Hal.* 100–101:

Tuque, comes ratiū tractique per aequora sulci,
Qui semper spumas sequeris, pompile, nitentes.

Прежде чем подыскивать объяснения этому сходству, необходимо взвесить вероятность случайного совпадения. Для этого мы попробуем выяснить, насколько характерна для каждого из названных поэтов утрированная инструментовка стиха.

(1) “Прялка” Эринны представлена для нас папирусным фрагментом с 54 гексаметрами различной степени сохранности (от одной буквы до четырех стоп; fr. 401 *SH*) и тремя стихами, дошедшими у Стобея

23), источником Афинеяса эскурса о помпилах “за исключением отдельных цитат” послужил компендий Александра Миндского *Περὶ ζῳῶν*.

⁵ В дискуссии об авторстве Erinn. fr. [404] *SH* (см. ниже) Джон Раук сопоставлял аллитерации в этом фрагменте с “маньеристским обращением к помпилу” у Аполлоны (J. Rauk. Erinna's *Distaff* and Sappho fr. 94 // *GRBS* 30 [1989] 102, not. 6).

(Stob. IV, 51, 4 = Erinn. fr. 402 *SH* и Stob. IV, 50 a, 14 = Erinn. fr. 401, 46 *SH*; начало этой строки сохранилось и на папирусе). Хотя, как мы увидим ниже, параномасия во фрагменте (1) не раз использовалась как аргумент против авторства Эринны, аллитерации и гомеотелевты не чужды стилю этой поэтессы. Так, Л. А. Стелла указывала на созвучные “сапфизмы” σ]ελάννα и χε]λύννα в клаузулах стихов fr. 401, 6–7 *SH*;⁶ в том же фрагменте ср. также ст. 18: τα]ῦτά τυ, Βαυκί τάλαι[να... и, по-видимому, 46: πραῦλόγοι πολιαί, ταὶ γήραος ἄνθεα θνατοῖς. Образец изысканной звукописи дает, на наш взгляд, стих fr. 402, 1 *SH*: Τουτόθεν εἰς Ἄϊδαν κενεᾶ διανήχεται ἄχώ: говоря об эхе, которое с трудом достигает слуха обитателей Аида, Эринна создает сходный акустический эффект.

Очевидно, однако, что все эти примеры достаточно далеки от занимающего нас пассажа: ведь одно дело – стремление к эвфонии, к фонетической насыщенности стиха, и совсем другое – демонстративная игра созвучиями. Первое зачастую реализуется интуитивно (и оттого характеризует скорее текст, чем автора), вторая же по определению сознательна; более того, именно повышенное внимание к звуковой организации стихов может побуждать поэта к избеганию “кричащих” аллитераций и слишком очевидных повторов. Так, уже приведенный стих fr. 402, 1 *SH* демонстрирует не только использование приема, но и его границы: ведь огласовка διανήχεται, уникальная в дорико-эолийских гексаметрах Эринны (ср. [Theocr.] 21, 18: προσέναχε θάλασσα), может быть оправдана именно соображениями благозвучия, т. е. желанием избежать утрированного διανάχεται ἄχώ. В этом отношении стихи о рыбе-лоцмане действительно выделяются среди других фрагментов Эринны.

(2) Из всех рассматриваемых пассажей двустипийные Аполлония Родосского, напротив, наиболее органично для его автора. Богатая стилистическая палитра “Аргонавтики” включает в том числе и сильные аллитерации, сообщающие стиху дополнительное напряжение и пафос: из примеров, близких нашему, ср. III, 953: τηλόσε παπταίνεσκε παρακλίνουσα παρειάς или IV, 1100: ἀλλὰ Διὸς δεῖδοικα δίκην ἰθεῖαν

⁶ L. A. Stella. *Intorno ai nuovi frammenti di Erinna // RIL ser. 2. 62 (1929) 833*. В качестве курьеза отметим, что Ф. Шайдвайлер, не высказываясь специально по вопросу о параномасии у Эринны, в своих воспоминаниях к папирусному фрагменту считает возможным “реконструировать” – а точнее сказать, приписывать нашей поэтессе – такие перегруженные ассонансами стихи, как, напр., [ἄλλοκα δ' ἄμῶν ἄλλα ἀμοιβὰς εἴσκε χε]λύννα (fr. 401, 7 *SH*; F. Scheidweiler. *Erinnas Klage um Baukis // Philologus 100 [1956] 43*).

ἀτίσσαι.⁷ Ряд мест (III, 467; IV, 447; 1739) показывает, что Аполлоний ценил эффективность этого приема в экспрессивных *обращениях*. Сопоставив разбираемый стих fr. 8, 2 Michaelis с его гомеровскими прототипами (α 53–54 = δ 385–386: ...ὅς τε θαλάσσης / πάσης βένθεα οἶδεν; *Нутт. Cer.* 38: ...ὄρεων κορυφαὶ καὶ βένθεα πόντου), можно заметить, что в качестве эпитета к πόντος Аполлоний использует необычное δυσκέλαδος (в раннем эпосе – только о шуме, издаваемом людьми; cf. *Lfgre* II, 365, s. v.), а в качестве эпитета к βένθεα – не менее необычное θοά (за исключением *Orph. Arg.* 244, нам не удалось найти параллелей для употребления этого прилагательного ни применительно к морю, ни предикативно при δεδαώς и его синонимах). По-видимому, в обоих случаях этот выбор не в последнюю очередь связан с намеренным нагнетанием созвучий.

(3) Из наследия Александра Этолийского, современника Каллимаха и его коллеги по Александрийской библиотеке,⁸ уцелели 72 строки, относящиеся к произведениям разных жанров, в том числе большой элегический отрывок. Судя по этому достаточно представительному материалу, любые виды звуковых повторов (кроме разве что банальной “грамматической рифмы” в полустишиях пентаметра) Александру совершенно не свойственны, и процитированный фрагмент стоит в его творчестве особняком. Помимо искусственного порядка слов (оба предлога стоят в анастрофической позиции), который всецело подчинен требованиям инструментовки, а также этимологической игры πομπίλος – πόμπιλος,⁹ в этих стихах обращает на себя внимание еще одна деталь: Александр дважды подряд прибегает к особому типу повто-

⁷ Об аллитерациях и их роли в “Аргонавтике” см.: J. Carrière. En relisant le chant III des *Argonautiques* // *Euphrosyne* 2 (1959) 54 et not. 21; Apollonius of Rhodes. *Argonautica* III. Ed. by R. L. Hunter (Cambridge – N. Y. 1989) 106 (см. также по ук., s. v. alliteration).

⁸ Из-за недостатка данных филология нового времени не смогла ни подтвердить, ни опровергнуть засвидетельствованные у Афиней сомнения в принадлежности этому поэту строк о помпиле; общая оценка исследователей, впрочем, в пользу аутентичности. В число подлинных фрагментов Александра помещают наше двустишие А. Майнеке (A. Meineke. *Analecta Alexandrina* [Berolini 1843] 240–241) и Дж. А. Пауэлл (*Collectanea Alexandrina* <...>. Cum epimetris et indice nominum ed. J. U. Powell [Oxford 1925] 122; в этом собрании есть разделы *Dubia* и *Falsa*); Ф. Зуземиль (F. Susemihl. *Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit* I [Leipzig 1891] 189) и Г. Кнаак (G. Knaack. *Alexandros* 84 // *RE* I [1894] 1147) приводят замечание Афиней, не давая ему оценки. К сожалению, нам осталось недоступным новейшее издание: *Alexandri Aetoli testimonia et fragmenta*. Introd., ed. crit., trad. e comm. di E. Magnelli (Firenze 1999).

⁹ В ст. 2 переписчик А, сбивтый с толку паронимасией, поставил диттографическое πομπίλος: исправление πόμπιλος принадлежит А. Майнеке (Meineke. *Op. cit.*, 240).

ров, при котором последний слог слова совпадает с первым слогом следующего (κατόπισθε, θεῶς ὑπο πόμπιμος). Эта разновидность ἐπα-
ναστροφῆ, которую scriptio continua делала для античного читателя
особенно заметной, в решительной форме осуждалась теоретиками
ораторского искусства (Isocr. fr. 10 Mathieu; Quint. IX, 4, 41; ср. также
Serv. *In Aen.* II, 27), но практиковалась поэтами – причем не только как
допустимая небрежность, но и как выразительный фонетический
жест.¹⁰

(4) Наконец, автор латинской “Галиевтики” периодически прибегает
к аллитерациям и гомеотелевтам, подчас довольно резким (см.,
напр., ст. 76: venandique sagax virtus viresque sequendi; 105: insignis
sargusque notis, insignis et alis; также стт. 5; 99; 110), однако и здесь наш
случай находится на особом положении: нигде более в 134 дошедших
строках поэмы мы не сталкиваемся с тройной аллитерацией, т. е. с по-
вторением начальных звуков в трех словах подряд.

В целом использование *одного и того же формального приема* в
стихах *на одну и ту же* – и притом довольно экзотическую – тему,
которые написаны четырьмя поэтами, исповедовавшими различные
стилистические принципы, едва ли возможно отнести на счет случай-
ности; по-видимому, мы имеем дело не с совпадением, а с традицией.

Хронологически двустистише Эринны (Иеронимов перевод хрони-
ки Евсевия относит акмэ этой поэтессы к *Ol.* 107, 1, т. е. 352 г. до
н. э.) не только предшествует трем другим названным выше фраг-
ментам, но и вообще представляет собой наиболее раннее из извест-
ных упоминаний о помпиле в античной поэзии. Дополнительную
важность этому обстоятельству сообщает то, что цитаты, приводи-
мые Афинеем в экскурсе о помпилах, подчас малозначительны и не
имеют прямой связи с изложением; по-видимому, лексикограф (или
его источник) претендует здесь на известную полноту, стремясь не
просто проиллюстрировать свой сюжет стихотворными пассажами,
но собрать все упоминания рыбы-лоцмана у поэтов. Кроме того, если
аллитерационное изобилие во фрагменте Эринны зиждется на повто-
рении π, μ и λ – т. е. именно тех согласных, которые образуют ключе-
вое слово πομπίλος,¹¹ – то в пассажах (2), (3) и (4) мы имеем дело с

¹⁰ Этот вид повторов лучше исследован для римской поэзии, которой он в большей степени свойственен: см. в первую очередь: R. Godel. Dorica castra: Sur une figure sonore dans la poésie latine // *To Honor R. Jakobson: Essays on the Occasion of His 70th Birthday I* (Hague – Paris 1967) 760–769 (с литературой).

¹¹ Этот прием фонетического выделения ключевого слова удобно проиллюстрировать строкой Симия Родосского (fr. 7 Powell): Αἰθήρος ὠκεῖα προπόλοι πῖλαντο Πέ-
λειαι.

другими типами звуковых повторов, для которых трудно найти контекстуальное оправдание. В силу этого естественно предположить, что именно Эринна сыграла определяющую роль в формировании интересующей нас традиции. Однако прежде чем перейти к доказательствам этой гипотезы, необходимо сделать отступление в защиту подлинности фрагмента (1).

Вопрос об авторстве этих стихов, относящихся к жанру напутствия (προπεμπτικόν),¹² начал обсуждаться вскоре после того, как Иоганн Швайгхойзер восстановил в тексте Афиней имя Эринны.¹³ Повод к дискуссии подала антология Теодора Бергга, который из издания в издание, невзирая на критику, печатал все известные к тому времени гексаметрические фрагменты Эринны, в том числе и наш, под общим титулом 'Ηλακάτη (это заглавие прославленной поэмы Эринны объемом в 300 стихов сохранили Суда [η 521 Adler] и Евстафий [In II. 326, 46 sqq.]). До того как рассматривать доводы обеих сторон, отведем компромиссную точку зрения, согласно которой стихи принадлежат Эринне, но взяты из какого-то иного ее произведения.¹⁴ Посвященные Эринне эпиграммы Антологии (VII, 11, 1; 713, 2; 7; IX, 190, 1) ясно

¹² Напутственный характер фрагмента был установлен Анри Этьенном, который в Тезаурусе s. v. πομπικός исправил рукописное πομπεύσας на πομπεύσας; эта конъектура была затем повторена И. Казобоном (*I. Casauboni Animadversionum in Athaenaei Dipsosophistas libri XV*. Ed. postrema auctoris cura diligenter recognita... [Lugduni 1664] 506: "est enim precantis oratio") и является с тех пор общепринятой. О жанре προπεμπτικόν см.: А. В. Болдырев. Из истории античных поэтических напутствий // *УЗ ЛГУ* 63 (1941) (серия филол. наук 7) 103–126; L. Winniczuk. Propemptikon – pieśń pożegnania // *Meander* 13 (1958) 406–419; R. G. M. Nisbet, M. Hubbard. *A Commentary on Horace: Odes. Book I* (Oxford 1970) 40–45; D. Wachsmuth. Propemptikon // *KP* IV (1975) 1179–1180 (краткое резюме неопубликованной диссертации); Sesto Properzio. *Il primo libro delle elegie*. Introd., testo crit. e comm. a cura di P. Fedeli (Firenze 1980) 203–208; *Menander Rhetor*. Ed. with Transl. and Comm. by D. A. Russell and N. G. Wilson (Oxford 1981) 303–305, и прежде всего: F. Cairns. *Generic Compositions in Greek and Roman Poetry* (Edinburgh 1972) по ук. Об отсутствии в отечественных библиотеках важной диссертации: F. Jäger. *Das antike Propemptikon und das 17. Gedicht des Paulinus von Nola* (Rosenheim 1913) сожалел уже А. В. Болдырев; с тех пор ситуация, увы, не изменилась.

¹³ I. Schweighäuser. *Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas IV* (Argentorati 1803) 96. До Швайгхойзера, впервые использовавшего чтение важнейшей рукописи А, эти стихи на основании испорченного текста deteriorum приписывались Коринне.

¹⁴ Fr. G. Welcker. *De Erinna et Corinna poetriis* (1816) // *Idem. Kleine Schriften für griechische Literaturgeschichte* II (Bonn 1845) 151–152; O. Crusius. *Erinna* // *RE* VI (1893) 458; P. Maas. [Рец.:] G. Vitelli. Frammenti della *Conocchia* di Erinna // *DLZ* n. F. 6 (1929) 116; U. Lisi. *Poetesse greca* (Catania 1933) 151 (non vidimus); *Anthologia lyrica Graeca*. Ed. E. Diehl, I, 4 (Lipsiae 1938) 207 (Диль придал этому фрагменту условный заголовок εις πομπικόν); P. Collart. *La poétesse Érinna* // *CRAI* 1944, 194; M. Cervelli. *Erinna e*

показывают, что ее знали как автора *единственной* небольшой поэмы.¹⁵ Таким образом, альтернатива представляется следующей: отрывок о помпиле следует или относить к “Прялке”, или атетировать.

Значительное число исследователей, обращавшихся к этим стихам, предпочли вторую возможность.¹⁶ Перечислим выдвинутые ими аргументы:

а) употребление диминутива *πομπιάτιον* в сочетании с отсутствием заглавия означает, что Афиней *целиком* цитирует напутственную эпиграмму (Велькер, Вара Донадо) или же приводит отрывок из краткого *προμπεδλιτικόν* (Кнаак, Рейценштейн и др.);¹⁷

б) сам автор “Софистов” сомневается в атрибуции этих стихов Эринне (Кнаак, Баура, Левин и др.);

в) отрывку трудно найти место в контексте поэмы – в которой, как стало очевидно после находки в 1928 г. папирусного фрагмента, Эрин-

l'età che fu sua // *Annali dell'Istituto superiore di scienze e lettere “Santa Chiara” di Napoli* 4 (1953) 230; L. Winniczuk. *Twórczość poetek greckich* (Warszawa 1956) 109; Eadem. *Propemptikon* (см. прим. 12) 409; *The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams*. Ed. by A. S. F. Gow and D. L. Page. II. (Cambridge 1965) 80; 282; Н. А. Чистякова. *Эллинистическая поэзия: Литература, традиции и фольклор* (Л. 1988) 34; J. M. Snyder. *The Woman and the Lyre: Women Writers in Classical Greece and Rome* (Carbondale – Edwardsville 1989) 92.

¹⁵ См. в первую очередь: A. and Av. Cameron. *Erinna's Distaff* // *CQ* 19 (1969) 285–288; C. Neri. *Studi sulle testimonianze di Erinna* (Bologna 1996) 153–159 (с историей вопроса).

¹⁶ G. Knaack. *Analecta* // *Hermes* 25 (1890) 86, Anm. 2 (“neque laudandus [Bergk. – B. 3.], quod incerti auctoris versiculos mero arbitrio *Fuso* addidit”); F. Susemihl. *Op. cit.* (см. прим. 9) II. 528, Anm. 46 (автором соответствующего раздела в труде Зуземиля был тот же Г. Кнаак); R. Reitzenstein. *Epigramm und Skolion* (Giessen 1893) 143, Anm. 1; C. M. Bowra. *Erinna's Lament for Baucis* (1933) // *Idem. Problems in Greek Poetry* (Oxford 1953) 166–167; K. Latte. *Erinna* (1953) // *Idem. Kleine Schriften zu Religion, Recht, Literatur und Sprache der Griechen und Römer*. Hrsg. von O. Gigon, W. Buchwald, W. Kunkel (München 1968) 552 und Anm. 17; A. Lesky. *Geschichte der griechischen Literatur* (Bern–München 31971) 716; D. N. Levin. *Quaestiones Erinneanae* // *HSCP* 66 (1962) 199; Cairns. *Op. cit.* (см. прим. 12) 230; U. W. Scholz. *Erinna* // *A&A* 18 (1973) 37, Anm. 83; J. Vara Donado. *Obra de Erinna y algunas reconstrucciones textuales* // *Habis* 4 (1973) 68–69; Fedeli. *Op. cit.* (см. прим. 12) 203; M. B. Arthur. *The Tortoise and the Mirror: Erinna PSI 1090* // *CW* 74 (1980) 55; M. B. Skinner. *Briseis, the Trojan Women, and Erinna* // *CW* 75 (1982) 265, not. 2; A. Pardini. *Problemi dialettali greci ed interpretazioni antiche e moderne* // *ZPE* 85 (1991) 1, Anm. 1; E. Robbins. *Erinna* // *NP* IV (1998) 70. Издатели *Supplementum Hellenisticum* X. Ллойд-Джонс и П. Парсонс заключают номер fr. 404 в квадратные скобки как *spurious* и хвалят Р. Рейценштейна за его атетезу.

¹⁷ Велькер соглашался признать эту гипотетическую эпиграмму аутентичной (см. прим. 15); по мнению Рейценштейна (см. прим. 16), все *pseudepigrapha*, ходившие под именем Эринны, были объединены в сборник *Πομπιάτια*, который постепенно “вытеснил” самое “Прялку”.

на оплакивала подругу Бавкиду, вышедшую замуж и вскоре после свадьбы погибшую (Латте, Вара Донадо);

г) сам тон стихов (“*das fröhliche Wortgeklingel*” – Латте) несовместим со скорбным плачем по Бавкиде (Латте, Артур);

д) большое число спондеев (2 в первом и 3 во втором стихе) резко контрастирует с ритмическими предпочтениями Эринны (Вара Донадо);

е) аллитерации и гомеотелевты “сомнительного вкуса” (Стелла) не согласуются с творческой манерой поэтессы (Латте, Левин, Шольц, Вара Донадо и др.).

Вместе с тем точка зрения Бергка, и ранее периодически находившая адептов,¹⁸ в последнее время получила подкрепление в работах Дж. Раука и К. Нери.¹⁹ Разбирая приведенные выше возражения, мы будем коротко резюмировать тезисы этих ученых и более подробно останавливаться на тех пунктах, где их аргументация может быть упрощена.

а) В греческой филологической терминологии ποιημάτων означает стихотворное произведение, небольшое по сравнению с эпической поэмой, но все же сравнительно пространное;²⁰ в частности, этот термин неоднократно применяется к гексаметрическим эпиллиям. Так, Афиней (VII, 283 а; см. выше) называет ποιημάτων “Кирку” Александра Этолийского, а Псевдо-Лонгин (33, 5; самый ранний случай употребления слова) – “Эригону” Эратосфена;²¹ ср. также Eust. *In Od.* 92, 24 (“Меламподий” из гесиодовского корпуса) и *Schol. in Theocr.* 15 arg., p. 305 Wendel (“Сиракузянки” Феокрита – 165 стихов). Для приписывавшейся Орфею и Лину “Сферы” (Eust. *In Il.* 1163, 57), ответного послания Никия Феокриту (fr. 566 SH = *Schol. in Theocr.* 11 arg. b, p. 240 Wendel), анапестического гимна к Гестии Симия Родосского (fr. 9 Powell = *Herphaest. Enchir.* p. 26, 14–15 Consbruch: ὄλον ποιημάτων),

¹⁸ Так, уже через год после публикации папируса Эринны Л. А. Стелла (*Stella. Op. cit.* [см. прим. 7] 833), воздерживаясь от окончательных выводов, указывала, что наличие во фрагменте аллитераций само по себе не может служить аргументом против авторства Эринны. Более отчетливо в пользу аутентичности высказался А. Керте в рецензии на второе издание антологии Диля (*Gnomon* 15 [1939] 494 und Anm. 3). Уникальную позицию занимает М. Л. Уэст (*M. L. West. Erinna // ZPE* 25 [1977] 96; 101): он признает эти стихи частью “Прялки” и атетирует их вместе с нею, объявляя Эринну литературной мистификацией кого-то из раннеэллинистических поэтов.

¹⁹ Rauk. *Op. cit.* (см. прим. 5) 102–107; Neri. *Op. cit.* (см. прим. 15) 153–155; 175–180.

²⁰ Neri. *Op. cit.* (см. прим. 15) 153 (Нери ограничивается примерами из Афиней); M. Roller. *Pliny’s Catullus: The Politics of Literary Approbation // TAPhA* 128 (1998) 302, not. 59.

²¹ Этот пример приведен у Раука (Rauk. *Op. cit.* [см. прим. 5] 104, not. 14).

юношеских тетраметров Цицерона “Понтий Главк” (Plut. Cic. 2, 3), наконец, для стихотворного переложения книги Светония *De regibus*, выполненного Понтием Павлином (см. заголовок к Auson. *Epist.* XIX Prete, восходящий к издателям посмертного корпуса сочинений Авсония: Ausonius Pontio Paulino, cum ille misisset poematum *versibus pluribus* de regibus ex Tranquillo collectis),²² также естественно предполагать более или менее солидный объем. Даже самые короткие из определяемых этим словом текстов: ода Алкея в Athen. X, 430 c–d (fr. 346 Voigt) и эпиррема в Hesych. ε 5116 Latte, – существенно пространнее, чем средняя эпиграмма. Напротив, употребление poemata в одном ряду с epigrammata у Плиния Младшего (IV, 14, 9; речь идет о подборке *гендекасиллабов*, которые Плиний посылает Корнелию Урсу) не имеет терминологического значения; для того чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на пассаж целиком: Proinde, sive epigrammata sive idyllia sive eclogas sive, ut multi, poemata²³ seu quod aliud vocare malueris, licebit voces. Ego tantum hendecasyllabos praesto. Очевидно, уменьшительный суффикс здесь указывает не столько на небольшой объем, сколько на (намеренно декларируемую) непритязательность содержания, а само слово предстает синонимом неотерического *pugae* или *versiculi*.²⁴ Таким образом, поэма в 300 строк, прославленная как образец каллимаховской ὀλυγοστιχίη (AP VII, 11; 713; IX, 190), подходит под определение Афинейя несколько не хуже, чем гипотетическое напутственное стихотворение, – и гораздо лучше, чем эпиграмма из двух гексаметров.²⁵ Словом ποιημάτων называет “Прялку” Эринны

²² Один из последних издателей Авсония считает такое обозначение поэмы Павлина ошибочным и по этой причине сомневается в античном происхождении заголовка (*The Works of Ausonius*. Ed. with Introd. and Comm. by R. P. H. Green [Oxford 1991] 637). Как показывает приведенный материал, эти сомнения едва ли обоснованы.

²³ Ср. также IV. 27. 1. В сходном значении употребляет грецизм poematum и Авсоний, воспринявший его, по-видимому, непосредственно из Плиния: в послесловии к “Свадебному центону” (X, 8–9 Prete) это слово появляется в прямой цитате из Plin. IV, 14, а в *De Biss.* praef. 5 Prete выступает в аналогичном контексте.

²⁴ О “терминологической расплывчатости” перечня Плиния писал Марио Пуэльма, занимавшийся им в связи с историей слова epigramma: M. Puelma. Ἐπιγραμμά – epigramma: Aspekte einer Wortgeschichte // *MH* 53 (1996) 136. В другой недавней работе этот пассаж анализируется в более широком контексте взглядов Плиния на поэзию и ее место в обществе: Roller. *Op. cit.* (см. прим. 20) 267–273: 300–302.

²⁵ В трех случаях о характере упоминаемых античными авторами ποιημάτων нельзя сказать ничего определенного. Так, “Трилистник” ближе неизвестной Демареты (Athen. XV. 685 a = fr. 372 SH), возможно, представлял собой фигурное стихотворение – в противном случае Афиней, которого в этом месте труда занимает употребление слова τρίφυλλον, едва ли ограничился бы одним упоминанием названия. О каллимаховском фрагменте из четырех ферекрытеев (fr. 401 Pfeiffer), сохраненном у Гестеи-

корректор Палатинского кодекса Греческой антологии, пометивший против эпиграммы IX, 190 (в которой *explicitè* упомянуты “триста стихов” поэмы): εἰς Ἦρινναν τὴν Λεσβίδα καὶ εἰς τὸ ποιημάτων αὐτῆς τὸ θαυμάσιον; как видим, правильное понимание термина сохранилось еще в византийскую эпоху.²⁶

Что касается отсутствия заглавия, то из примеров, собранных Джованни Сети, а также из данных указателя в издании Г. Кайбеля²⁷ можно сделать следующий естественный вывод: Афиней склонен опускать названия *единственных* или *наиболее знаменитых* произведений известных авторов. Так оформлены, в частности, все цитаты из Геродота и Фукидида; показательна ситуация с Гесиодом: Афиней 11 раз ссылается на “Труды и дни” – всегда без заглавия, “Теогонию” не упоминает, а малые произведения гесиодовского корпуса (за исключением V, 189 d – мельчайший фрагмент из “Щита Геракла”, приведенный, вероятно, по памяти) всякий раз цитирует с отсылкой. При том, что Эринну знали как автора *одного* гексаметрического сочинения, читателю довольно было имени поэтессы, чтобы понять, о чем идет речь; напротив, имей Афиней в виду некое маргинальное стихотворение Эринны или pseudepigraphon, уточнение было бы необходимо.²⁸

б) Учитывая сказанное выше, сомнения Афиней не могут служить решающим доводом против атрибуции двустушия Эринне. Афиней (или его источник), безусловно имевший вкус к атетезе²⁹ и, по оценке

она (p. 58, 20; 64, 4 Consbruch), можно утверждать только то, что он не является законченным произведением (см.: Gow – Page. *Op. cit.* [см. прим. 14] II, 218). Один гексаметр повествовательного содержания цитируется Афинеем (VI, 229 b) со ссылкой на ποιημάτων τι Феодорида (fr. 742 SH): хотя Феодорид известен как один из авторов “Венка” Мелеагра, исследователи справедливо отказываются признавать этот стих частью эпиграммы (P. Maas. Theodoridas // *RE* V A [1934] 1804; Gow – Page. *Op. cit.* [см. прим. 14] II, 537).

²⁶ Сохранялось оно и позднее: так, в Тезаурусе Анри Этьенна s. v. ἠλακάτη читаем: “... Erinnae poetriae quoddam poemation inscriptum est ἠλακάτη”.

²⁷ I. Seti. De litterata atque critica Athenaei industria // *RFIC* 13 (1885) 485–486; *Athenaei Dipnosophistarum libri XI*. Rec. G. Kaibel. III (Lipsiae 1890) 565 sqq.

²⁸ Körte. *Op. cit.* (см. прим. 18) 494, Anm. 3; West. *Op. cit.* (см. прим. 18) 96: “the poem attributed to her», in the absense of further specification, can only be the *Distaff*”; Rauk. *Op. cit.* (см. прим. 5) 104; Neri. *Op. cit.* (см. прим. 15) 154–155; 176–177: “non un poemetto, ma il poemetto”.

²⁹ Пассажи, *exempli gratia* приводимые Сети (Seti. *Op. cit.* [см. прим. 27] 498–500), могут быть умножены. Ряд более или менее развернутых атетез позволяет уловить мотивы, которыми руководствуется Афиней при опровержении традиционной атрибуции: как правило, они связаны с хронологическими (с. g. III, 116 a–d) и биографическими (с. g. XIII, 599 d) несоответствиями: привлекаются и свидетельства авторов (с. g. IV, 172 e–f).

Фридриха Боте, “*hac in re satis diligens*”,³⁰ мог в нашем случае руководствоваться теми же соображениями, которые привели его коллегу М. Л. Уэста к отрицанию историчности Эринны: уже полулегендарной традиции о девятнадцатилетней поэтессе, творившей за прялкой (AP VII, 11, 2; IX, 190, 4–6), довольно, чтобы дать критическому уму повод для сомнений.³¹ Как бы то ни было, оговорка Афинейя дает нам скорее положительный ответ на риторический вопрос Латте “*Oder hat es im Altertum Zweifel an der Autorschaft der Elakate gegeben?*”, чем довод в пользу атетезы.³²

в) Какое место могло занимать обращение к помпилу в “Прялке”? Бергк и Виламовиц, исходя из анализа эпитафий Бавкиде AP VII, 710 и 712, которые в Антологии приписаны Эринне, реконструировали ситуацию следующим образом: Бавкида (а в том, что ὀδεῖα ἑταῖρα из наших стихов – именно Бавкида, не сомневаются даже сторонники подложности Афинеева фрагмента)³³ покинула родной остров ради замужества и умерла на чужбине.³⁴ В связи с этим едва ли не принуди-

³⁰ *Poetarum comicorum Graecorum fragmenta*. Post A. Meineke rec. et Latine transtulit F. H. Bothe (Paris 1855) 105.

³¹ См.: Körte. *Op. cit.* (см. прим. 18) 494, Anm. 3. Реконструируя доводы, которые могли привести кого-то из античных филологов к мысли о подложности “Прялки”. Кертэ поразительным образом предвосхищает – вплоть до деталей – ход рассуждений Уэста, утверждавшего, что “в реальной жизни неискушенные девушки-подростки не пишут отшлифованными гексаметрами стихи. сразу входящие в золотой фонд национальной поэзии” (West. *Op. cit.* [см. прим. 18] 116).

³² *Poetae lyrici Graeci*. Tertius curis rec. Th. Bergk (Lipsiae 1867) 925; W. von Christ. *Geschichte der griechischen Literatur*. Unter Mitw. von O. Stählin, bearb. von W. Schmid. I (München 1912) 205, Anm. 3 (не касаясь специально нашего вопроса. Крист ссылается на Athen. VII, 283 d в доказательство того, что “подлинность «Прялки» в античности подвергалась сомнению”); West. *Op. cit.* (см. прим. 18) 96 (Уэст, как мы помним, находит в оговорке Афинейя аргумент в пользу того, чтобы вовсе отказать Эринне в праве на существование); Neri. *Op. cit.* (см. прим. 15) 176. Мы не видим оснований для того, чтобы вслед за Нери возводить сомнения относительно авторства “Прялки” к ранним александрийским филологам и тем более конкретно к Эратосфену.

³³ Latte. *Op. cit.* (см. прим. 16) 91; Levin. *Op. cit.* (см. прим. 16) 199; Gow – Page. *Op. cit.* (см. прим. 14) II, 282.

³⁴ Bergk. *Op. cit.* (см. прим. 32) 928; U. von Wilamowitz-Moellendorff. *Sappho und Simonides* (Berlin 1913) 230. Разделяемая нами гипотеза о позднем происхождении этих эпитафий не меняет существа дела, т. к. их автор – кто бы он ни был – черпал биографические сведения из “Прялки” (история вопроса: Neri. *Op. cit.* [см. прим. 14] 195–201). Из двух аргументов, приведенных Виламовицем, первый (в AP VII, 710, 7 названа родина Бавкиды, что указывает на смерть на чужбине) при условии подложности эпиграмм утрачивает силу, второй же (погребальный костер Бавкиде зажигают не родители, а свекор – AP VII, 712, 6) сохраняет свое значение.

тельным представляется вывод А. Керте:³⁵ двустичие о помпиле является частью ретроспективного плана поэмы (значительная часть папирусного фрагмента посвящена воспоминаниям о детстве, которое подруги провели вместе: см. fr. 401, 5–30 *SH*); молитву-напутствие Эринны следует относить к сцене проводов выходящей замуж Бавкиды.³⁶

г) Сохранившиеся фрагменты дают основание утверждать, что Эринна – героиня “Прялки” (поэма написана от первого лица) оплакивала свадьбу Бавкиды, разлучившую двух подруг еще прежде, чем это сделала смерть; ср. особенно fr. 401, 28–31 *SH*. Возможно ли примирить это скорбное чувство с осязаемым радостным тоном разбираемого нами напутствия? Для этого необходимо обратиться к топике жанра *προλεπτικόν*. Ритор Менандр (*Rhet. Gr.* III, p. 397, 12–16 Spengel) упоминает переход от жалоб и отговоров (*σχετλιασμός*) к молитвам о благополучном возвращении в числе других неизменных составляющих напутственной речи (*προλεπτικὴ λαλία*): “Когда же ты дойдешь до завершающей части речи, то вновьпустишься сетовать, словно бы желал убедить [отъезжающего остаться] и потерпел неудачу; а продолжишь такими словами: «Поскольку все решено и я потерпел поражение, что ж – пойдем навстречу его желанию...»”; вслед за этим Менандр рекомендует перейти к похвалам отъезжающему, а затем искренне пожелать ему счастливого пути.

Как известно, трактат Менандра опирается не только на ораторскую, но в значительной степени и на поэтическую традицию.³⁷ Так, описанная им смена напутственных интонаций впервые встречается уже в *Sapph.* fr. 94, 1–10 Voigt, который также посвящен расставанию с подругой;³⁸ в эллинистической поэзии ср., напр., *Apoll. Rhod.* I, 888–890 (прощание Гипсипилы с отплывающим Ясоном). Пожалуй, с наи-

³⁵ Körte. *Op. cit.* (см. прим. 18) 494 und Ann. 3. См. также: Cervelli. *Op. cit.* (см. прим. 14) 230; Rauk. *Op. cit.* (см. прим. 5) 102–107 (Паук пришел к этой мысли независимо от Керте); Neri. *Op. cit.* (см. прим. 15) 178.

³⁶ Напротив, совершенно неправдоподобно предположение Уэста: Эринна просит помпила сопровождать Бавкиду... в плавании по водоемам подземного царства (*West. Op. cit.* [см. прим. 18] 101).

³⁷ Russel – Wilson. *Op. cit.* (см. прим. 12) XXXI.

³⁸ О *Sapph.* fr. 94 как о “*προλεπτικόν*, обращенном в прошлое” см.: Cairns. *Op. cit.* (см. прим. 12) 50–55. На сюжетную и интонационную близость “Прялки” к *Sapph.* fr. 94 и 96 Voigt впервые указал Баура (*Bowra. Op. cit.* [см. прим. 16] 167–168); его ремарка, однако, осталась практически незамеченной, и лишь полвека спустя анонимный автор внутренней рецензии на статью Мэрилин Скиннер (его замечание было с благодарностью процитировано исследовательницей; см.: Skinner. *Op. cit.* [см. прим. 16] 269) ввел это сопоставление в широкий научный обиход.

большей наглядностью рекомендации Менандра иллюстрируют два элегические *πρωτεύτικα* Августа века – Prop. I, 8 и Ov. *Am.* II, 11. В обоих случаях³⁹ поэтов привлекает описание сложного чувства. С одной стороны, лирический герой противится отъезду подруги и проклинает тот день, когда она решила отправиться в путешествие (Prop. I, 8, 1–12; Ov. *Am.* II, 11, 1–32); напоминает об опасностях моря (Prop. I, 8, 5–8; Ov. *Am.* II, 11, 9–26); в порыве отчаяния желает ей мертвого штиля (Prop. I, 8, 9–12), а под влиянием мстительной обиды – даже и бурь (Ov. *Am.* II, 11, 27–30). С другой стороны, в ходе своего монолога герой понимает, что предотвратить отплытие он уже не волен; после этого он не может не молить богов о благополучном плавании, пусть и вступая в противоречие с только что высказанными угрозами и предостережениями (Prop. I, 18–21; Ov. *Am.* II, 11, 33–36).⁴⁰ Именно такой, по всей видимости, должна была быть психологическая мотивация напутствия Эринны.

д) Тяготение нашей поэтессы к “напевным” дактилям очевидно даже по уцелевшим фрагментам (включающим всего три полных гексаметра), однако выводить на этом основании правило было бы ошибкой. В частности, стих fr. 401, 34 *SH* (γυμναῖσιν χαίταισιν [υ–φο]νίκεος αἰδώς) содержит три спондея, причем два из них следуют подряд; ритмический рисунок этой строки и второго стиха фрагмента (1) полностью совпадают (ssdsd).⁴¹ Следующий ст. 35, от которого сохранились лишь первые пять слогов, также начинается со спондея.

е) Примеры звуковых повторов во фрагментах Эринны были приведены выше: говорить о том, что наша поэтесса избегает этого прие-

³⁹ Овидий, впрочем, находится здесь под очевидным влиянием Проперция. Сопоставление интересующих нас пассажей см.: W. Görler. *Ovids Propemptikon (Amores II, 11) // Hermes* 93 (1965) 343–344; K. Morgan. *Ovid's Art of Imitation: Propertius in the Amores* (Leiden 1977) 75–77.

⁴⁰ В лагинской поэзии ср. также Verg. *Ecl.* 10, 46–49 (стихи, в которых Сервий отмечает аллюзию на элегии Галла). Овидий, в чьем “поэтическом хозяйстве” ничто не пропадало, использовал этот же мотив в *Her.* 6, 61–64, а затем – уже в ином контексте – в сцене преследования Аполлоном Дафны (*Met.* I, 508–511).

⁴¹ Восполнение П. Мааса φο]νίκεος (P. Maas. *Addenda et corrigenda // PSI IX* [Firenze 1929] XIII) представляется не только правдоподобным (cf. Call. fr. 80, 10 Pfeiffer: *AP IX*, 362, 14; Ov. *Am.* I, 3, 14 etc.), но едва ли не единственно возможным. Третья стопа ст. 34 почти наверняка была дактилической: на это указывают как размер лакуны, так и конструкция фразы (suppl. ἐλεῖ Maas, ἀτάρ Beazley, ὄθεν Latte etc.). К. Нери (Neri. *Op. cit.* [см. прим. 16] 179), разбирая Афинеев фрагмент, видит в нагнетании спондеев предвестие грядущей гибели Бавкиды; на наш взгляд, они скорее придают напутствию Эринны торжественный характер. И то, и другое предположение, разумеется, субъективно.

ма, не приходится, однако очевидное злоупотребление аллитерациями в двустишии о помпиле требует дополнительного обоснования. Можно предположить, что оно было внушено стилистикой подлинных напутственных молитв-оберегов, которые *πρωτεύτικόν* Эринны пытаются воспроизвести.⁴² В самом деле, для Эринны подобная имитация очень характерна: ее фрагменты дают сразу несколько образцов стилизации фольклорного материала, столь любимой авторами раннего эллинизма. Так, во fr. 401, 13–15 *SH* перелагается гексаметром ямбическая детская считалка, текст которой известен из других источников (fr. 876 [c] PMG);⁴³ стт. 25–27 того же фрагмента воспроизводят, выражаясь терминами современной фольклористики, “страшилку” о чудище Мормо, которой напугала двух подруг мать Эринны; наконец, в собственно тренодической части поэмы анафоры, рефрены и характерные междометия имитируют фольклорные заплачки-γόοι (fr. 401, 19–20; 32–33; 51–52 *SH*).⁴⁴

Таким образом, у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований для того, чтобы оспаривать античную атрибуцию Erinn. fr. [404] *SH*.⁴⁵ На

⁴² Ср., напр., анафорические заклинания в *πρωτεύτικόν* Мелеагра (*AP* XII, 52, 3–4): *τρὶς μάκαρες νᾶες, τρὶς δ' ὄλβια κύματα πόντου, / τετράκι δ' εὐδαιμόνων παιδοφόρων ἄνερος*. О рефлексах традиционных магических формул в литературных напутствиях см.: Болдырев. *Указ. соч.* (см. прим. 12) 122–126.

⁴³ Установлено С. М. Баурой (Bowra. *Op. cit.* [см. прим. 16] 154); подробнее см.: С. Neri. *Cambio di ritmo: Erinna SH 401. 14 sqq. e Carm. pop. fr. 30 (c) // Prometheus 24* (1998) 19–24; В. В. Зельченко. *Χελιχελώνη // Hyperboreus 5* (1999): 1, 40–55.

⁴⁴ О γόος в ряду других видов погребальных плачей см., напр.: М. Р. Nilsson. *Der Ursprung der Tragödie // NJA 27* (1911) 618–624; М. Alexiou. *The Ritual Lament in the Greek Tradition* (Cambridge 1974) 11–14; 102–103 (с новогреческими параллелями); E. Lambin. *La chanson grecque dans l'antiquité* (Paris 1992) 105–128; применительно к поэме Эринны: Skinner. *Op. cit.* (см. прим. 16) 266–269; Neri. *Studi...* (см. прим. 15) 188 и по ук.; В. В. Зельченко. Эринна и трагики // *ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΣ: К 100-летию со дня рождения проф. А. И. Доватура* (Philologia classica 5, СПб. 1997) 120–130. В отличие от трена импровизированный γόος, выразивший личную скорбь родственников умершего, не стал литературным жанром, оставаясь частью похоронного ритуала и своеобразной разновидностью народного творчества.

⁴⁵ Признав авторство Эринны, стоит, по-видимому, вслед за Бергком и Дилем принимать исправление *ναύταισι* (*deteriores*) вместо *ναύτησι* (Α) в первом стихе фрагмента. Хотя *ναύτησι* и может быть защищено как гомеризм (Neri. *Studi...* [см. прим. 15] 177), нужно заметить, что единственный параллельный пример перехода α → η у Эринны (fr. 402. 1 *SH*: *διανήχεται*; напротив, *γόνει[ι]* во fr. 401, 18 *SH* – эолизм; см.: Pardini. *Op. cit.* [см. прим. 16] 1–2) помимо заимствования эпической огласовки мотивирован, как мы попытались показать, дополнительными соображениями: при наличии fr. 401, 34 *SH*: *γυμναῖσιν χαίταισιν* форма *ναύτησι* предстает особенно подозрительной. Механическую ошибку переписчика (в целом не склонного к унификации – пощадил же он *ἐμὸν ἀδείαν* в ст. 2) легко объяснить диттографией: немного выше Афиной приводит

наш взгляд, подспудной причиной недоверия исследователей стала (подкрепленная словами *AP IX*, 190 о девятнадцатилетней девушке за прялкой) тенденция рассматривать поэму Эринны как своего рода человеческий документ, “chef-d’œuvre involontaire” одаренного, но неискушенного поэта.⁴⁶ В этой связи поучительно вернуться к фрагменту (3): хотя ситуации с двустушиями Эринны и Александра Этолийского очень похожи одна на другую (в обоих случаях засвидетельствованы сомнения Афиней в подлинности и обильные аллитерации), авторство последнего никем до сих пор не оспаривалось. Вероятно, дело здесь в разнице литературных репутаций: ученые готовы примириться с паромасией у утонченного александрийского поэта, но не у “наивной” Эринны.

Гипотеза о том, что выделенная выше традиция “аллитеративных” упоминаний помпила восходит к “Прялке” Эринны, подкрепляется не только хронологическими выкладками. Несмотря на жанровую разнородность (фрагменты (2) и (3) взяты из мифологических эпиллиев, фрагмент (4) – из дидактической поэмы о рыбах), несколько деталей позволяют, на наш взгляд, говорить о связи этих отрывков с *πρωτεμπίκων* Эринны.

1) Аполлоний, Александр и Псевдо-Овидий (равно как и большинство других авторов, чьи цитаты о помпиле сохранил Афиней) сосредоточены именно на свойствах рыбы-лоцмана следовать за кораблем и охранять моряков – а этому мотиву было естественнее всего получить разработку именно в составе *πρωτεμπίκων*. Уже упоминавшийся ритор Менандр (*Rhet. Gr.* III, p. 399, 1–10 Spengel), разбирая различные топосы напутственного жанра, советует упомянуть о морских божествах и о рыбах, “которые провожают корабль и плывут с ним рядом”.

2) В соответствующем эпизоде поэмы об основании Навкратиса, который пересказывается Афинеем в подробностях и с цитатами (то же: Aelian. *Hist. anim.* XV, 23), Аполлоний излагал легенду о Помпи-

похожий фрагмент эпика Никандра, начинающийся словами πομπήλος, ὅς ναύτησι (VII, 282 f.).

⁴⁶ Заключенная в кавычки формулировка принадлежит Полю Коллару (Collart. *Op. cit.* [см. прим. 16] 199). Эта тенденция, переносимая на Эринну-автора поэмы черты Эринны-героини, присуща работам 1920–50-х гг. (С. М. Баура, М. Червелли, К. Латте и др.: соответствующие цитаты подобраны в статье: Arthur. *Op. cit.* [см. прим. 16] 54, not. 9). Противоположный взгляд на Эринну как на зрелого и даже изощренного поэта, который создает иллюзию непосредственного эмоционального высказывания, пользуясь при этом всеми тонкостями стихотворной техники, был впервые аргументирован У. Б. Шольцем (Scholz. *Op. cit.* [см. прим. 16] 39–40) и ныне может считаться преобладающим: библиографию вопроса см.: Neri. *Studi* (см. прим. 15) 168, not. 53.

ле – моряке, спасшем прекрасную Окирою от преследований Аполлона и за это превращенном в рыбу. Фрагмент (2), в котором Окироя просит Помпила о помощи, тоже, как кажется, несет этиологический смысл. Аполлоний имеет в виду, что с тех пор молитвенное обращение к помпилу стало традицией для пускающихся в плаванье: иными словами, перед нами своего рода прото-*προτεμπτικόν*. Таким образом, пассажи Эринны и Аполлония близки друг к другу не только стилистически, но и тематически.

3) Во фрагменте (3) Александр, так же, как и Эринна, обыгрывает этимологию слова *πομπίλος*.

4) Автор латинской “Галиевтики” (как, между прочим, и Оппиан: см. *Hal.* I, 209–211) избирает для рассказа о чудесных свойствах помпила форму риторического *обращения*. В сохранившейся части поэмы описываются пятьдесят пять рыб, и только дважды поэт пользуется фигурой *ἀποστροφή* (помимо нашего места также ст. 134); при этом скандирование *πομπίλε* делает вокатив ни в какой мере не мотивированным метрической необходимостью. Необычность этого обращения привлекла внимание Т. Бирта. “Iam vero pompilus, – писал он, – unus omnium pelagiorum (sc. piscium. – В. 3.) est, quem insolito more poeta non tertia persona, sed secunda appellaverit <...>. Quid haec elatioris sermonis figura, quid sonus hic, inquam, excitatior moram (sic; cf. *Hal.* 99. – В. 3.) inter et cercyrum?”⁴⁷ По-видимому, мы в состоянии дать ответ на этот вопрос: обращение в *Hal.* 100–101, как и интенсивное использование в этих стихах аллитераций, выдает влияние напутственного жанра.

5) Расширив круг привлекаемых к анализу пассажей, можно обнаружить, что в целом ряде стихотворных цитат из Афинеева экскурса о рыбе-лоцмане ключевые слова (*πομπίλος*, *ναύτης*, *ἰχθύς*) стоят в той же позиции, что и у Эринны. Так, пропемптический отрывок из Никандра (fr. 16 Gow – Scholfield = Athen. VII, 282 f)⁴⁸ открывается словами: *πομπίλος, ὃς ναύτησι...* (ср. Opp. *Hal.* I, 209: *πομπίλε, ναυτιλίησι...*), а в зачине второго стиха содержит форму аористного опатива (*μηνύσαι*); фрагмент из ученой поэмы о рыбах эллинистиче-

⁴⁷ Th. Birt. *De Halieuticis Ovidio poetae falso ascriptis* (Berolini 1878) 115. Сам Бирт находит решение в транспозиции, предлагая переместить стт. 100–101 после 117: таким образом обращение к помпилу будет завершающим аккордом в перечне морских рыб – так же, как обращение к севрюге в ст. 134 завершает перечень рыб пресноводных.

⁴⁸ Как показал О. Шнайдер, защитивший чтение *Α μηνύσαι* во 2 стихе фрагмента, эти строки представляют собой *προτεμπτικόν* (*Nicandra: Theriaca et Alexipharmaca. Rec. et emend., fragmenta collegit, commentationes addidit O. Schneider* [Lipsiae 1856] 30).

ского эпика Панкрата Аркадского (fr. 598 *SH* = Athen. VII. 283 b) звучит: πομπίλος, ὃν καλέουσι ἀλίπλοοι ἱερὸν ἰχθῦν; этимологизация имени помпила после Эринны и Александра Этолийского встречается в “Галиевтике” Оппиана (I. 186–187). Отвлечшись от рыбо-лоцмана, обратимся к автору, чье знакомство с творчеством Эринны считается доказанным:⁴⁹ в песне Симихида из “Талисий” Феокрита, которая также представляет собой пример “вставного” про-πεμπτικόν внутри композиционно сложной идиллии, во второй раз после Эринны появляется редкое прилагательное εὔπλοος (Theocr. 7, 62).⁵⁰ Взятые в совокупности, эти переключки указывают, как представляется, на такое положение вещей, при котором двустигшие Эринны не просто пользовались известностью, но представляло собой *locus classicus*, сразу же приходивший на ум в связи с рыбо-лоцманом.⁵¹

Важная роль Эринны в перипетиях становления и развития эллинистической поэзии засвидетельствована хвалебными эпиграммами, посвященными этой поэтессе в Палатинской антологии: Асклепиад (VII, 11), Леонид (VII, 12), Антипатр Сидонский (VII, 713) прославляют ее как предшественницу и пример для подражания. В то же время конкретные примеры влияния Эринны на эллинистических авторов выявляются филологами с трудом, поскольку “Прялка” дошла до нас в чрезвычайно фрагментарном виде. Как представляется, примером такого влияния могут служить стихи о рыбо-лоцмане: классики александрийской поэзии Аполлоний и Александр, вступая в своеобразное состязание со знаменитым образцом,⁵² также сопровождают упоминание помпила богатыми и изобретательными аллитерациями; то, что для Эринны было стилизацией напутственной молитвы, для ее последователей превратилось в *tour de force*. Использование аналогичного приема в латинской “Галиевтике”, по-видимому, удосто-

⁴⁹ Общую оценку наблюдений филологов над текстуальными параллелями у Эринны и Феокрита см.: M. Michelazzo Magrini. Una nuova linea interpretativa della *Conoscchia* di Erinna // *Prometheus* 1 (1975) 227, not. 7.

⁵⁰ См.: F. Cairns. Theocritus Idyll VII. 62 // *Mnemosyne* IV. 31 (1978) 72–75; отметим и πλόον в предыдущем ст. 61.

⁵¹ Так русскому читателю название рыбы *лабардан* скорее всего напомнит о Гоголе, а какое-либо стихотворное описание *форели* – о Михаиле Кузmine.

⁵² Отрывок (3) с его предельно угрированной инструментальной и доризмами наводит даже на мысль о пародии на Эринну (известно, что Александр Этолийский пробовал себя и в шуточной поэзии: см. fr. 21 Powell); впрочем, при отсутствии каких-либо сведений о контексте фрагмента осмотрительнее воздержаться от любых гипотез на его счет.

веряет актуальность этой традиции и для последующих эпох античной поэзии.⁵³

В. В. Зельченко

Санкт-Петербургская классическая гимназия

Parmi les passages poétiques consacrés au poisson-pilote (πομπίλος), dont la plupart nous est parvenue grâce à Athénée (VII, 282 e – 284 d), il y en a quatre qui se distinguent par les allitérations recherchées et même excessives (Erinn. fr. 404 *SH*; Apoll. Rhod. fr. 8, 2 Michaelis; Alex. Aetol. fr. 2 Powell; [Ovid.] *Halieut.* 101). L'analyse stylistique de l'œuvre de quatre poètes prouve que ce fait ne peut être dû à une simple coïncidence mais révèle plutôt le caractère d'une tradition. C'est le fragment d'Erinna (*floruit a. 352 a. Chr. n.*) contenant la plus ancienne mention du poisson-pilote dans la poésie antique qui doit vraisemblablement être placé en tête de cette tradition. Dans une digression spéciale on considère l'authenticité de ces deux vers qui a été injustement contestée plus d'une fois et dont la défense, entreprise par A. Körte, J. Rauk et C. Neri, peut être enrichie d'arguments nouveaux.

Bien que Erinn. fr. [404] *SH* soit un προπεμπτικόν (qui faisait part de la *Queenouille*, poème en 300 hexamètres), tandis que les passages de trois autres auteurs

⁵³ Включение в этот ряд Псевдо-Овидия остается проблематичным, поскольку в *Hal.* 101 форма *rompile*, как уже упоминалось, скандируется как палимбахский. Эта и целый ряд других просодических ошибок в поэме, давно обескураживаемые филологами, по существу остаются необъясненными – ведь кем бы ни был автор “Галиевтики”, он жил не позже второй половины I в. н. э.: *terminus ante quem* дают цитаты из поэмы у Плиния Старшего. Как представляется, наш анализ, вписывающий *Hal.* 101 в греческую поэтическую традицию, может служить дополнительным доводом против версии Р. Кайделя и Дж. А. Ричмонда, согласно которым латинский поэт пользовался только прозаическими источниками и потому не смог верно определить количество гласного (R. Keydell. *Oppians Gedicht von der Fischerei und Aelians Tiergeschichte* [1937] // *Idem. Kleine Schriften zur hellenistischen und spätgriechischen Dichtung*. Hrsg. von W. Peck [Leipzig 1982] 334; J. A. Richmond. *Metre and Prosody in the Halieutica Ascribed to Ovid* // *Hermes* 96 [1968] 348–355; cf. 355: “that this solution is not entirely satisfying I do not deny”). Рецензируя издание “Галиевтики” Ричмонда, Р. П. Оливер привел еще один аргумент против такого объяснения, указав на обилие греческих слов на -ίλος, которые должны были подсказать правильную просодию (*CPh* 49 [1964] 42). Не претендуя на решение проблемы, укажем, что *Hal.* 101 представляет собой единственный случай употребления слова *rompulus* в латинской поэзии, так что “правильное” дактилическое скандирование не засвидетельствовано. Возможно, поэт не искажал греческое название, просодию которого не мог не знать, а имел дело с уже существующим заимствованием, получившим хождение в среде рыбаков; так, Э. Пулграм называет *rompulus* в ряду тех грецизмов, исконная просодия которых в разговорной латыни изменилась под влиянием греческого ударения (E. Pulgram. *The Accentuation of Greek Loans in Spoken and Written Latin* // *AJPh* 86 [1965] 138–158).

supposent des contextes narratifs (mythologiques dans les cas d'Apollonius et d'Alexandre d'Étolie, didactique dans celui de Pseudo-Ovide), l'influence d'Érinna peut être démontrée par des raisons autres que chronologiques. On examine, par exemple, un jeu de mots évoquant l'étymologie de πομπίλος qui est employé par Érinna et puis par Alexandre; l'apostrophe qui introduit la description du poisson-pilote chez Pseudo-Ovide (un procédé assez singulier dans les *Halieutiques* mais tout à fait naturel dans un προπεμπτικόν); etc.